

Показательным в этом случае является ответ на жалобу владелицы имения Миневицы Кобринского уезда Резвяковой Марии на Министерство путей сообщения за стеснение её в пользовании бечёвником реки Мухавец со стороны этого ведомства с 1898 по 1900 год. Жене статского советника разъяснили, что прибрежная полоса земли состоит, во-первых, из бечёвника искусственного (который на основании положения от 23 августа 1876 г. Комитета Министров занят гидротехническими сооружениями Днепровско-Бугской системы; и, во-вторых, из бечёвника естественного, из которого по закону ведомством производилась выборка земли. А поскольку при устройстве сооружений ещё в 1844 - 1848 г. владельцы имения на берегу не взыскали положенного вознаграждения, жалобу оставили без последствий [19, 4].

Принято считать, что упадок речного транспорта связан с ростом железных дорог. Но на белорусских реках такой упадок наметился ещё с 50-х гг. XIX в. Отчасти это объясняют сведением лесов на берегах рек, что уменьшило возможности лесосплава. Одной из причин называют и снижение роли меридиональных транспортных путей при возрастании роли путей из Центральной России в зарубежные страны. Возможности технического прогресса на белорусских реках ограничивались их небольшими размерами и глубинами. В силу своих природных особенностей – мелей, излучин, ледостава – реки Беларуси уже не могли найти широкого транспортного применения [8, 94]. Упадок водных путей начался с отмирания судоходства на малых реках. Малая вместимость судов, низкие скорости – все эти недостатки вместе с общим снижением внимания к речному транспорту привели к упадку его роли в хозяйственной жизни Гродненской и Виленской губерний к концу XIX в.

В упадок приходили и каналы, с 1880 - 1890-х годов прекратилось движение на Огинском канале, а затем и на Двинско-Березинской системе. Водные пути могли использоваться только при значительной их реконструкции, для которой не имелось ни капиталовложений, ни экономических предпосылок. Существует немало доказательств тому, что администрация западных губерний для оживления торговли по реке стремилась найти источник для финансирования очистных работ, укрепления берегов. Так, П. Бобровский в монографии за 1863 год упоминает о необходимости начать очистку русла Немана, улучшить Гродненскую пристань [3, 462]. За приведение в судоходное состояние реки Вилии и урегулирование судоходства на Мухавце и Днепровско-Бугском канале ратовали собравшиеся на Виленском съезде Северо-Западного края в марте 1914 г., но начавшаяся через полгода I мировая война и оккупация западно-белорусских земель на несколько лет парализовали движение речного транспорта.

Таким образом, водные пути западной Беларуси, которые на протяжении столетий формировали основные направления грузопотоков и рост городов у рек, переживали в последней четверти XIX – начале XX в. сложный период, связанный, с одной стороны, с внедрением новых транспортных средств и гидро-

технических сооружений, с другой стороны, с общим снижением роли речного судоходства в экономике. Постепенное отмирание сети водного транспорта и уменьшение его роли в перевозке товаров предопределили как географические особенности упомянутых водных артерий, так и недостаток средств, направленных на усовершенствование и очистку их русел. Несмотря на то, что не все реки западно-белорусского региона были пригодны для судоходства, благодаря своей разветвленности и непосредственной близости к границам Российской империи, они ещё долгое время после появления железных дорог служили способом передачи лесных и, уже в меньшей мере, хлебных грузов в Польшу, Германию и другие страны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бейлькин Х.Ю. Сельскохозяйственный рынок Белоруссии 1861-1914 гг. / Науч. ред. М. О. Бич. – Мн.: Наука и техника, 1989.
2. Белоруссия в эпоху капитализма: Сб-к док. и мат. в 3-х т. / АН БССР. Ин-т истории. Т. 2. Развитие капитализма в промышленности, положение промышленных рабочих и рабочее движение в Белоруссии 1861-1900 / Сост. З. Е. Абезгауз, Н. Л. Рябцевич. – Мн., 1990.
3. Бобровский П. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Гродненская губерния. Ч. 2. – СПб., 1863.
4. Гісторыя Беларусі: У 2 ч. Ч. 1 / Пад рэд. Я.К. Новіка і Г.С. Марцуля. – Мн., 1998.
5. Гісторыя Беларусі: XIX-XX стагоддзі: Курс лекцый. У 2 ч. Ч. 2 / П. І. Брыгадзін, У. Ф. Ладзьсеў, П. І. Зялінскі. – Мн., 2000.
6. Девять губерний Западно-Русского края в топографическом, геогностическом, статистическом, экономическом, этнографическом и историческом отношении / Автор-состав. И. Столпянский. – СПб., 1866.
7. Довнар-Запольский М.В. Народное хозяйство Белоруссии. 1861 - 1914 гг. – Мн., 1926.
8. Жучкевич В. А. Дороги и водные пути Белоруссии: Историческо-географические очерки. – Мн., 1977.
9. Шпилевский П. Путешествие по Полесью и Белорусскому краю // Современник (СПб). – 1853. – Т. XL. – Отд. II.
10. Эканамічная гісторыя Беларусі / Пад рэд. В. І. Галубовіча. – Мн., 1995.
11. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. Ф. 12. Оп. 2. Д. 532.
12. Там же. Ф. 1. Оп. 279. Д. 1981.
13. Там же. Ф. 14. Оп. 3. Д. 71.
14. Там же. Ф. 1. Оп. 22. Д. 1823.
15. Там же. Ф. 1. Оп. 6. Д. 114.
16. Там же. Ф. 1. Оп. 22. Д. 1256.
17. Там же. Ф. 1. Оп. 22. Д. 1664.
18. Там же. Ф. 1. Оп. 28. Д. 228.
19. Там же. Ф. 2. Оп. 28. Д. 409.
20. Там же. Ф. 8. Оп. 1. Д. 311.

УДК 940

Спирин В.С.

ПРОБЛЕМА ДЕЙСТВЕННОСТИ КРИТИЧЕСКИХ ВЫСТУПЛЕНИЙ ГАЗЕТНОЙ ПЕРИОДИКИ БЕЛАРУСИ (1976-1984)

В этом году исполняется восемь лет со дня принятия Указа Президента № 630 от 5 декабря 1997 г. «О реагировании должностных лиц на критические выступления СМИ», где их

руководству вменилось в обязанность «считать обеспечение объективности и действенности критических выступлений одной из основных задач своей деятельности»[1]. Обоснован-

*Спирин Владимир Сергеевич, старший преподаватель кафедры истории Беларуси Брестского государственного университета им. А.С. Пушкина.
Беларусь, БрГУ, 224665, г. Брест, бульвар Космонавтов, 21.*

ность подобного решения с течением времени становится все более очевидной. Стране с переходной экономикой только в условиях порядка, организованности и дисциплины можно быстрее и с наименьшими издержками выйти на рубежи устойчивого поступательного развития. Добиться этого можно значительно эффективнее, используя такой мощный рычаг воздействия, как прессу. В связи с этим вопрос о действенности ее критических выступлений, приобретает практическое значение. При этом важным является учет опыта и уроков попытки решения данной проблемы в прошлом.

Начало 2-й половины 70-х годов общественно-политическая жизнь в республике проходила под воздействием XXV съезда КПСС, Постановлений ЦК КПСС от 12 декабря 1975 г. «О состоянии критики и самокритики в Тамбовской областной партийной организации», «О руководстве Томского обкома КПСС средствами массовой информации и пропаганды» от 18 января 1977 г., которые поставили задачи по повышению идейного уровня и действенности выступлений прессы. Суть проблемы была очерчена в выступлении П.М. Машерова на XXV съезде КПБ 4 февраля 1976 г., где он сказал: «Нередко на партийных собраниях, Пленумах, в печати внимание акцентируется на положительных сторонах деятельности, а критика носит слишком общий, безадресный характер. Такая критика не действенна, ибо не вскрывает причин недостатков в работе, не выявляет конкретных виновников тех или иных упущений. В ряде мест неудовлетворительно поставлено информирование коммунистов и всех трудящихся о выполнении критических замечаний, просьб и предложений. Иные руководители болезненно реагируют на любые замечания» [2]. Более подробные установки партийным организациям Беларуси по улучшению руководства прессой содержались в Постановлении Бюро ЦК КПБ 12 июля 1976 г. «О работе Витебского обкома КПБ по развитию критики и самокритики», где редакции обязывались «... добиваться, чтобы критические материалы отличались злободневностью, знанием дела, принципиальностью выводов. Передавать гласности факты бюрократизма и волокиты в разрешении справедливых жалоб трудящихся, острее реагировать на случаи отписок, замалчивания критики и пренебрежительного отношения отдельных работников к сигналам и критическим выступлениям печати...» [2, л.14].

Факт неоднократного возвращения ЦК КПБ к проблеме действенности критических выступлений в прессе свидетельствовал не только о значимости вопроса, но и о низкой результативности выполнения ранее принятых решений. Так, уже в марте 1977 г. V Пленум ЦК вновь обязал партийные комитеты «повышать авторитет и действенность публицистического слова, заботиться о росте идейного уровня и обогащения содержания прессы обеспечивать деловое и уважительное отношение к её сигналам» [2, оп.117, д.2, л.73-74]. Состояние дел в данной области на местах отражает, например, справка о работе редакционной коллегии «Гродненской правды», представленная в Бюро обкома партии 21 ноября 1978 г. Там сказано, что «в партийной организации не наведен порядок с учебой коммунистов, абсолютное большинство заседаний редакционного коллектива посвящается месячным планам, определению победителей творческого соревнования и распределению премий, а не вопросам творческого роста, решению проблем и недостатков, возникающих при освещении тех или иных тем в газете... принимаемые решения зачастую носят поверхностный характер, не поддаются проверке, в частности ни один из 4-х пунктов решения партсобрания редакции, посвященного обсуждению Постановления ЦК КПСС по Томскому обкому не был конкретным» [3]. Эти и другие недочеты нашли свое отражение в Постановлении Бюро ЦК КПБ от 2 марта 1979 года «О состоянии и мерах по улучшению работы редакции газеты «Советская Белоруссия» отметившего, что газета не добилась должной действенности своих

выступлений [2, оп.117, д.27, л.278-283]. Но и спустя почти 10 месяцев ЦК КПБ на своем заседании констатировал, что злободневные выступления газеты «либо игнорировались, либо рассматривались формально, без должных выводов и принятия необходимых мер, а руководители горисполкома занимались бюрократическими отписками [2, оп.128, д.12, л.64].

Причина того, что пресса не выполняла в должной мере поставленных перед ней задач по образному выражению заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК КПБ С. Павлова, объяснялась тем, что редакции «напоминали локомотивы, пользующиеся отработанным паром: шума много, а движения нет» [4]. Справедливость данной оценки видна из результатов социологических исследований. По итогам контекст-анализа 40% критических сообщений СМИ Беларуси не имели адреса, а 43% указывали на ту или иную организацию в целом, не высвечивая причин недостатков и их виновников. Только 13,5% критических сообщений указывали на конкретные личности. Публикуемых в СМИ ответов на свои же выступления было в несколько раз меньше, чем самих критических выступлений. Но это даже происходило не по причине их отсутствия, а потому, что редакции не считали для себя обязательным их обнародовать [5]. Показателен в этом отношении пример с газетой «Віцебскі рабочы», где даже спустя восемь месяцев после упоминавшегося Постановления ЦК КПБ «О работе Витебского обкома КПБ по развитию критики и самокритики...» ситуация мало в чем изменилась. Об этом свидетельствуют материалы партийного собрания редакции, где отмечалось, что на страницах газеты редко встретишь рубрики «Острый сигнал», «По следам письма», часто снимались материалы из сатирической подборки «Нестерка», не публиковались ответы-реагирования в рубрику «По следам наших выступлений», а ответы авторам писем были «...примитивны и убоги» [6]. Но и в 1979 г. 22 февраля протокол этой парторганизации фиксирует следующее: «За последние три года отдел партийной жизни не дал ни одного острого критического материала [6, оп.1, д.54, л.35]. Причиной этого было отношение к критическим публикациям местного партийного руководства. Так Витебский горком КПБ, рассмотревший 4 апреля 1979 г. статью «Застой» в газете «Віцебскі рабочы», обратил в первую очередь внимание на некоторые неточности, а не на существо поднятой проблемы, т.к. журналист затронул партком и руководство известного в городе предприятия [6, ф.102, оп.50, д.4, л.66]. Аналогичный подход, суть которого, под предлогом обвинения журналистов в не меняющих сути дела неточностях, выхолостить критический потенциал их публикаций, проявился и в других партийных организациях. В парткоме Гродненского завода автоагрегатов 29 июля 1981 г. была рассмотрена заметка «Не только исполнитель» помещенная в «Гродненской правде». Вместо того, чтобы проанализировать причины нарушений трудовой дисциплины и принять решения, направленные на их устранение, здесь занялись поиском неточностей в опубликованном материале. В результате, в постановлении оказалась ни к чему не обязывающая запись: «Принять заметку к сведению» [6, ф.155, оп.1, д.101, л.117-118].

Если не удавалось обосновать, в той или иной степени, ошибочность критической публикации, то она или игнорировалась, или печатному органу давался формальный ответ, не проясняющий существа дела. Известный исследователь в области журналистики А. Менделеев по этому поводу писал: «Но критика в печати – действительно оружие очень острое, и трудно представить себе нормального человека, который получал бы удовольствие от уколов этим оружием. Именно от позиции партийного комитета более всего зависит создание в парторганизации такой обстановки, чтобы люди, подвергшиеся критике, всегда находили в себе силы и мужество отбросить в сторону уязвленное самолюбие и,

отвечая газете, честно признать упущения, сообщить о принимаемых мерах» [7].

На самом деле партийный аппарат различного уровня начала 80-х в значительной степени оборотился, практически слился с хозяйственным руководством, поэтому его идеологические функции подменились административно-охранительными, что нередко приводило к открытому противодействию попыткам работников СМИ честно исполнять свои профессиональные функции. Например, первый секретарь Барановичского райкома Н.В. Доменикан не дал согласия корреспонденту «Советской Белоруссии» присутствовать на заседании бюро, где рассматривались результаты проверки партийной комиссией обкома КПБ критических материалов по одному из трудовых коллективов города. Газета рассказала об этом в корреспонденции «При закрытых дверях» – 10 февраля 1977 г.

Особенно трудным было положение рабочих корреспондентов, которые пытались донести до общественности правду о положении дел на своих предприятиях. Несмотря на то, что ни одно решение высших партийных органов по совершенствованию работы СМИ не обходило вниманием рабселькорского движения, но на практике отношение к нему в значительной степени было формальным. Со стороны руководства предприятий пресекались попытки рабселекторов выступать в печати с критических позиций. К примеру, о том, как на Оршанском станкостроительном заводе подвергался преследованию местный активист печати, рассказала областная газета «Віцебскі рабочы» в материале «Трымайся Ражкоў!» за 12 студзеня 1980.

М.А. Федоров считал, что трудности в работе рабселекторов возникали как следствие неопределенности их правового положения и предлагал в определенных пределах приравнять его к статусу журналиста [8]. Между тем, в изучаемый период, происходило обратное, на IV Всесоюзном съезде журналистов в 1977 г. из редакции Устава Союза изъяли оговорку о возможности приема в члены журналистской организации наиболее проявившихся себя активистов печати. Неудивительно, что несмотря на радужные реляции о сотнях и тысячах общественных корреспондентах, активистах печати, постоянно сотрудничали с редакциями немногие. Например, как было отмечено в протоколе партсобрании реакции Гомельской правды за 1976 г. из двух выпусков университета рабселекторов, а это – 120 человек, в газету писали лишь единицы [9].

Редко использовались СМИ Беларуси критические письма читателей. По данным социологических исследований они составляли 2,6 % из опубликованных, а 77,5 % отсылалось на реагирование в соответствующие органы, на оставшееся или давался письменный ответ автору (3,7%), или они просто принимались к сведению самой редакцией [5, с.80]. При этом, когда само письмо и ответ на него публиковались на страницах газеты результативность решения затронутых в нем проблем возрастала, рос и авторитет печатного органа. Не зря, когда в редакции «Віцебскага рабочага» 22 февраля 1979 г. встал вопрос о том, как стимулировать приток писем, было предложено больше самим разбираться с ними, а не слать на реагирование в другие инстанции [6, оп.1, д.54, л.34].

Формализм в работе с письмами, в определенной степени, был следствием сложившейся традиции, считать количество редакционной почты одним из важнейших показателей работы издания. Следствием этого была распространенная практика т.н. «организации писем», когда сами журналисты инициировали их поступление с мест, а зачастую просто фабриковали их, используя только подписи реальных людей, что само по себе ослабляло потенциальные возможности печати в борьбе с негативными явлениями. Кроме этого, большинство авторов подобных писем были служащие и ИТР, а каждый четвертый из них был руководителем. Автор-руководитель выступал в СМИ республики в 3 раза чаще, чем автор-

рабочий [5, с.17]. Между тем, социологами было установлено, что идентификация СМИ с социальным институтом, представляющим, главным образом мнения местных руководителей разного уровня снижали доверие к органам массовой информации [5, с.17].

Реалии политической системы сводили проблему ответственности критических выступлений прессы к организационно-административным возможностям партийных комитетов, которые стояли за тем или иным изданием. По этому поводу Дмитрий Авраамов писал: «У нас, напротив, ответственность печатного слова напрямую зависит от того, является редактор членом бюро партийного комитета или нет. Авторитет прессы опирается не столько на силу общественного мнения, сколько на организационную поддержку политических структур» [10].

Но партийное руководство на местах часто относилось к подведомственным изданиям как к чему-то второстепенному, не имеющему реального значения в решении социально-экономических задач. Касаясь подобной проблемы, Петр Миронович Машеров на одном из Пленумов ЦК КПБ привел пример, когда первый секретарь Столинского РК КПБ Лифанов М.Е. вместо того, чтобы согласно общепартийным установкам, самому руководить районной газетой поручил отвечать за работу печати, наряду с узлом связи, заведующему кабинетом политпросвещения [2, оп.117, д.2, л.73].

Прямая зависимость ответственности критических выступлений печати от поддержки соответствующего партийного комитета, прежде всего, проявлялась в работе низовой печати, в частности производственной. На активе городской парторганизации Гомеля в августе 1979 г. прозвучало, что «в течение последних лет бюро Центрального, Железнодорожного райкомов ни разу не слушали вопросов о работе многотиражных газет, а необходимость в этом была большая. Практически райкомы и парткомы самоустранились от оказания помощи редакциям [9, ф.265, оп.38, д.9, л. 24-25]. На Гродненском производственном объединении «Азот» к июню 1980 г. руководство парткома в течение двух лет даже не посещало редакцию многотиражной газеты объединения. За это время она была выселена в неудобное помещение, а у сотрудников часто отсутствовало даже необходимое для работы, например, простейшие микрофоны и справочная литература. Такое отношение к нуждам газеты со стороны парткома передавалось секретарям цеховых парторганизаций, руководителям других общественных формирований, которые не только отказывались выступать со страниц многотиражки, но и не использовали ее в своей воспитательной работе [3, ф.5864, оп.1, д.171, л.73-83].

Положение с журналистскими кадрами, с обеспечением необходимых условий для их работы было неудовлетворительным на протяжении всего изучаемого периода, что самым непосредственным образом отражалось на качестве работы печати и соответственно на ее результативности. Из 252 работников СМИ Гомельской области только 97 по данным 1978 г. имели журналистское образование [9, ф.144, оп.153, д.56, л.15]. Пополнение редакций, в основном, шло за счет неспециалистов. Но даже при этом многие редакции испытывали дефицит сотрудников, например, три года не могли найти корреспондента в Шкловской, десять лет в Климовичской районных газетах. Всякий раз возникали трудности с замещением вакансий редакторов газет и их заместителей. К 1985 г. с учетом работников пенсионного и послепенсионного возраста в редакционных коллективах одной только Могилевской области было 22 вакансии, что составляло три полносоставных редакции [11].

Кадровый потенциал редакций печати существенным образом сказывался на возможностях газет конструктивного подхода в своих публикациях к проблемам производственных отношений, что прямым образом влияло на их действенность. Бюро ЦК КПБ рассматривавшее 2 марта 1979 г. вопрос о со-

стоянии и мерах улучшения работы редакции газеты «Советская Белоруссия», в частности объяснялось это слабой экономической подготовкой журналистов [2, ф.4, оп.128, д.23, л.5]. Как следствие недостаточной компетенции, были неточности и ошибки, допускавшиеся журналистами в материалах на социально-экономическую тему. Свидетельства этого мы находим в материалах партийных организаций целого ряда редакций. Например, на собрании коммунистов «Вицебскага рабочага» 31 марта 1977 г. отмечалось, что отдел сатиры «Нестерка» дает витиеватые, многословные материалы, содержащие много ошибок. Иногда выступления не соответствуют действительности» [6, д.62, л.30]. В протоколе партийного бюро Белаза, состоявшегося в январе 1984 года один из пунктов так и назывался «О фактах наличия грубых ошибок в газете «Белорусский автозаводец» [12].

Уровень квалификации журналистов часто не позволял раскрывать проблему трудовой дисциплины через призму психологических аспектов взаимоотношений в производственных коллективах. Между тем наукой утверждалось, что общественное мнение является активной нравственно-психологической силой, выполняющей, как и социальные нормы, функцию, регулирующую поведение людей в коллективе» [13]. «Невозможность управлять производством только на основе одних распоряжений и приказов» и необходимость в этой связи, создания в каждом коллективе «здорового идейно-нравственного климата» – подчеркивал П.М. Машеров [2, оп.117, д.2, л.65]. Но в республиканских СМИ тема морали освещалась в 10 раз реже чем, например, деятельность государственных органов [5, с.121]. К тому же желал лучшего литературный уровень многих материалов, прежде всего в районной и многотиражной печати, где особенно остро стояла проблема с кадрами. На X Пленуме Гродненского обкома КП Беларуси в июле 1983 г. было указано, что корреспонденции в Свислочской, Сморгонской, Дятловской районных газетах пишутся трафаретным языком, им не хватает глубины и свежести мыслей [14]. «Гомельская правда», касаясь этой же темы в передовой статье «Трыбуна грамадскай думкі» за 5 мая 1983 г., отмечала, что бедность и сухость печатного слова являются следствием недостаточной компетенции журналистов, что снижает эффективность выступлений. Социологическими исследованиями было установлено, что половина читателей, увидев в заголовке или в начале газетного сообщения штампованные слова или выражения, переставали его читать [5, с.133].

Показателем отношений местных руководителей к печати и фактором снижавшим действенность ее критических выступлений было и то обстоятельство, что региональные издания нередко ими просто не выписывались. Редактор «Вицебскага рабочага» на Пленуме обкома 12 октября 1979 г. в своем выступлении привел данные о том, что в Верхнедвинском районе на торфобрикете, маслосырзаводе, заводе по выпуску зооветинструмента и некоторых других областную газету не выписывают ни руководители этих предприятий, ни секретари партийных организаций, ни представители месткомов профсоюза, ни главные специалисты [6, ф.1, оп.145, д.16, л.63].

Какое значение на самом деле придавалось СМИ в организационной деятельности партийно-государственных структур ярко свидетельствует то, что в их решениях, принимаемых по различным вопросам жизни общества, если только они конкретно не были посвящены прессе, как правило, она упоминалась в последнем пункте в самых общих выражениях. Например, в перспективном комплексном плане отдела пропаганды и агитации Брестского горкома КПБ на 1978-1980 гг., изложенному на 30 страницах, только в конце последней есть пункт о печати [2, оп.119, д.62, л.34-63]. Партийные комитеты, чаще всего низовые, нередко просто игнорировали печать как важный фактор в своей работе. Так, в протоколах партсо-

браний цеха главного конвейера Гомсельмаша, проходивших в 1982 г., посвященным вопросам улучшения воспитательной и идеологической работы, о роли ни заводской многотиражной газеты «Сельмашевец», ни цеховой стенгазеты не сказано ни слова [9, ф.73, оп.23, д.244, л.31-50].

Не изменилось отношение к периодической печати и после выхода Постановления ЦК КПСС от 21 июня 1984 года «О дальнейшем улучшении деятельности районных и городских газет», где горкомам и райкомам партии предписывалось предъявлять строгий спрос к должностным лицам, неправильно относящимся к критике [15]. Например, на состоявшемся 30 июля 1984 г Пленуме Барановичского райкома партии член райкома, заместитель редактора объединенной газеты «Знамя коммунизма» говоря о зажимщиках критики так и не назвал их имена, а выступавший за ним секретарь райкома не только не обратил на это внимание, но и сам, говоря о критике в печати, ограничился общими фразами [16]. Те, кто выступал с конкретной, в лицах, критикой по прежнему подверглись неприкрытому гонению. О таком показательном факте, который случился на Обольском биохимическом заводе, рассказал журнал «Коммунист Белоруссии» в своем октябрьском номере за 1984 г. в статье «Уволить за критику». Все это, конечно, не способствовало реализации прессой задачи – быть связующим звеном между институтами управления и обществом. Воспитательная функция СМИ также, в значительной степени, не достигала своей цели в следствии очевидности двойственности морали официальной, пропагандируемой и той, которую в реальности видели люди. В конечном итоге, это вело к усилению разрыва между государственно-партийной идеологией, институтами ее представляющими, и общественным мнением, что ускорило духовный и экономический кризис конца 80-х – начала 90-х гг.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Сборник указов Президента и Постановления Кабинета Министров РБ.1997, декабрь, № 34.С.58.
2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ), ф.4, оп.81, д.2674, л.92.
3. Государственный архив Гродненской области (ГАГО), ф.1, оп.79, д.32, л.13-14.
4. Павлов С. На основе комплексного подхода // Коммунист Белоруссии. – апрель 1980 г. С.38.
5. Эффективность средств массовой информации / Бобосов Е.М., Давидюк Г.П., Кононов Г.М. и др. – Мн., 1986. С.129-130.
6. Государственный архив Витебской области (ГАВО), ф.381, оп.60, д.52, л.29.
7. Менделев Л.Г. Правда – газетной строкой: Актуальные вопросы развития ленинских принципов печати. – М., 1985. С.42.
8. Федоров М.А. Советы и пресса. М., 1987. С.145.
9. Государственный архив Гомельской области (ГАГО), ф.127, оп.1, д.55, л.83.
10. Авраамов Д.С. Профессиональная этика журналиста: Парадоксы развития, поиски, перспективы. – М., 1991. С.109.
11. В созвучии со временем: Пресса: опыт, проблемы, заботы дня. – Мн., 1989. С.55.
12. Государственный архив Минской области (ГАМО), ф.2522, оп.7, д.31, л.10.
13. Корельский В.М. Все начинается с дисциплины. - М., 1985. С.165.
14. Гродненская правда, 12 июля 1983 г.
15. КПСС о средствах массовой информации и пропаганды. М., 1987.С.368.
16. Государственный архив Брестской области (ГАБО), ф.1694, оп.34, д.2, л.179.